

ВЫБИРАТЬ МЕЖДУ РАЗНЫМИ ВАРИАНТАМИ ПРОШЛОГО

Борис Кагарлицкий

Борис Кагарлицкий — социолог, журналист, публицист. Директор Института глобализации и социальных движений

Российская политическая борьба — это борьба отсталых консерваторов с мракобесными реакционерами. Но мракобесные реакционеры, как правило, побеждают, потому что у них больше драйва, они более энергичны и у них есть некое видение будущего, которое состоит в том, чтобы вернуться в прошлое. В принципе, тот, кто не реакционер, тот, как правило, консерватор.

Слово «реакционер» достаточно замыленное и имеет очень большую эмоциональную нагрузку. Поэтому реакционерами у нас готовы называть всех тех, кто не нравится. Исходя из историко-философских критериев, реакционеры — это те, кто находится в России у власти в настоящее время, потому что они пытаются вернуть страну в социальную систему, существовавшую в XIX веке, то есть в прямом смысле слова повернуть вспять исторический процесс. Возвращение к капитализму является, безусловно, реакцией. Поэтому рос-

сийская элита, российская интеллигенция и российский политический класс в массе своей являются реакционерами.

На уровне истеблишмента других нет. Все остальное — маргинально. Поэтому любые прогрессистские, левые или просто даже просветительские тенденции в России маргинальны и не воспринимаются серьезно на уровне политики.

Аргументация этих реакционеров исходит из неких этических понятий: рынок — добро, все остальное — зло. В свое время Стюарт Холл привел понятие «дискурсивная борьба», когда соревнуются дискурсы, а не теории. И с того момента, как вы переходите к дискурсивной борьбе, аргументы не просто не нужны, они вредны. Тот, кто свою позицию аргументирует, находится в крайне слабой ситуации. Если он пытается аргументировать и рационально обосновывать свою позицию, он, конечно, проигрывает.

Прогрессивная повестка не допущена к серьезному обсуждению. Парадокс в том, что и прогрессивная повестка сегодня выглядит как нацеленная на возвращение к некоторым принципам середины XX века. **Идет борьба, условно говоря, между XIX столетием и XX. Те, кто говорит: вернемся в XX век, выглядят самыми прогрессивными.**

Сейчас в России ситуация сложилась таким образом, что мы можем выбирать между разными уровнями ориентации в прошлое. Все остальное на уровне массового сознания будет отторгаться просто потому, что сейчас массовое сознание не воспримет никакого проекта будущего. Оно в лучшем случае будет принимать определенный проект, ориентированный на восстановление ка-

кого-то хорошего былого. Любой другой проект будет восприниматься как утопический и нереалистичский.

Это свойство массового сознания, деморализованного поражением социальных революций и вообще демократических проектов. Попросту говоря, это человек, который точно знает, что любая попытка сделать что-то хорошее заканчивается только плохим, и вся предшествующая жизнь ему это однозначно и убедительно доказала. И он, естественно, будет думать соответствующим образом. Другое дело, если у него возникнет в ходе дальнейшей жизни новый опыт, тогда с ним можно будет уже по-другому разговаривать. Но сейчас такого опыта нет.

Любая реальная попытка осуществить, допустим, возвращение к социальному государству или к индустриальному развитию, выходящая за рамки интересов элиты, ориентированная на демократические ценности, приведет к тому, что проект будущего мгновенно появится из этой практики. Проект будущего в рамках капиталистической идеологии невозможен. Либо Фукуяма прав: будущего нет, истории нет, мы всегда будем там, где сейчас находимся, — либо какое-то будущее случится, и это — социализм. Российской специфики в этом нет. **Единственная наша специфика — в сверхтипичности России.** Здесь все процессы, которые происходят всюду и которые исключительно банальны, приобретают экстремальный характер. Просто в силу крайней их выраженности. Но в самих процессах нет ничего оригинального. ■

Специально для Ярославского
Форума